

Поскольку в пределах своих возможностей Цю Чэн был готов проявить некоторую щедрость, да и Старый Ли казался ему неплохим человеком — Цю Чэн не верил, что мужчина, который ради нескольких глоток кукурузной балаши и пары лепешек в день готов был терпеть голод и тащить еду семье, мог оказаться дурным человеком.

В тот вечер, возвращаясь домой, Цю Чэн подобрал на обочине несколько кирпичей, сунул их в рюкзак и притащил с собой. С помощью этих кирпичей он сложил в пустой квартире напротив временную печку, развел огонь из обрезков досок, оставшихся после недавнего изготовления деревянных ящиков, водрузил сверху сковороду, сорвал пучок зеленого лука и сварил в котелке тех речных креветок.

Соли не было, поэтому он просто ополоснул водой солонку на кухне — во время эвакуации, чтобы облегчить ношу, он не захватил с собой всю эту утварь. Похлебка из креветок получилась пустой и несоленой, но оба уплетали ее за обе щеки, наслаждаясь каждым мгновением, и в конце на дне не осталось ни единой крошки лука, ни единой капли бульона.

Покончив с креветками, Цю Чэн вышел на балкон полить посеы. Срывая лук, он уже заметил, что за день они снова заметно подросли, а земля в ящиках опять высохла.

Похоже, даже с помощью Массива Сбора Духов растениям совершенно необходимы вода и удобрения. Чем быстрее они росли на этом балконе, тем больше влаги и подкормки им требовалось. Поначалу было проще: набивая ящики, Цю Чэн брал листовой передоз, обладавший естественным плодородием, но в дальнейшем, когда культуры начнут выбрасывать метелки и завязывать плоды, питательных веществ может уже не хватить.

Если говорить о самых доступных и быстрых удобрениях, Цю Чэн знал одно средство: как следует разбавленная человеческая моча, вылитая на грядки. Если соблюсти достаточную пропорцию, то даже без процесса настаивания и ферментации удавалось избежать ожогов у корней.

С этой мыслью Цю Чэн прервал свои занятия, вошел в комнату и долго там рылся, пока наконец не вытащил пластиковое ведро из мусорного бака. Сначала он снес его в туалет, чтобы справить нужду, а затем поднял на балкон, добавил туда пару ковшей воды и предельно аккуратно вылил жидкость в почву на некотором расстоянии от корневой системы растений.

— Ладно, спать пора, — покончив с этим, сказал Цю Чэн молчавшему спутнику, который неотступно следовал за ним по пятам.

Электричества у них пока не было, поэтому Цю Чэн ложился очень рано, а на следующий день поднимался едва зарей. До начала работы у него оставался еще час-другой на прочие дела: натаскать воды, перестирать белье да приглядеть за зеленью на балконе. Стоило циркуляции духовной энергии наладиться, как в рост пошли не только культурные растения, но и сорняки — если вовремя не выдернуть их, они станут отнимать питательные вещества у рассады в ящиках.

Цю Чэн переоделся в пижаму и лег в постель. Тот молчаливый пришелец тоже сноровисто примостился рядом. В комнате царила насыщенная духовная энергия, а кровать оказалась на удивление удобной — ему здесь нравилось.

Немой ничего не говорил, и у Цю Чэна не было ни малейшей возможности узнать его имя; возможно, он и сам уже забыл, как его зовут. Но ведь требовалось как-то его называть — как иначе обращаться к нему в дальнейшем? Придумывать кому-то имя оказалось на редкость утомительным занятием, и лишь поломав голову добрую половину дня, Цю Чэн наконец нащупал подходящий вариант.

— Давай я буду звать тебя А Чан? В честь обычая, — произнес Цю Чэн.

— Хм... — раздался из темноты с другого края кровати сонливый полусвук.

— Согласен? — спросил он.

— Мгм, — отозвался тот.

Имя А Чан было утверждено окончательно, хотя пока что им пользовался только сам Цю Чэн.

Чуть свет на следующее утро Цю Чэн принялся за работу. Сначала он сбегал к Синьнаньскому университету за мешком овечьего навоза, а затем отправился с коромыслом на реку Синьнань за водой, заодно освежившись в реке.

В той университетской аудитории и впрямь обнаружили живые овцы — всего три головы: две взрослые и одна совсем маленькая. Едва завидев А Чана, козы принялись мекать, и тот тут же вывел их наружу пощипать травы.

Немой хранил молчание, и расспросить его об этих животных возможности не было, но обзавестись мясом в любом случае приятно. Раз уж этот тип ежедневно объедался у него на кровати и пользовался духовной энергией, вряд ли он станет в одиночку уплетать баранину, когда придет время забивать скот.

Притащив домой два ведра воды с реки Синьнань, Цю Чэн снова ушел на смену. До тех пор, пока посевы на балконе не созрели, ему приходилось рассчитывать исключительно на эту работу, так что расслабляться он не смел.

Среди всех ремонтных бригад на их участке электромонтажники были самыми малочисленными, но при этом двигались быстрее всех. Если дело пойдет так и дальше, примерно через неделю они должны были вплотную подобраться к окрестностям Синьнаньского университета.

Во второй половине дня заглянул сын Старого Ли и передал Цю Чэну небольшой пакетик с

почвенными микроорганизмами. Цю Чэн невероятно обрадовался: с помощью этого ускорителя ферментации овечий навоз на балконе быстро перепреет, и, глядишь, удастся подкормить кукурузу еще до появления метелок.

У самого А Чана этот день выдался куда более беспокойным. Утром, когда он пас коз на университетском лугу, до него донеслись голоса приближавшейся группы людей. Проявив предельную осторожность, А Чан немедленно подхватил на руки козленка и загнал обеих маток обратно в загоны.

Управившись со скотиной, он выскользнул наружу, чтобы бдительно понаблюдать за чужаками. Подобное случалось и раньше: сперва сюда наведывались люди из временной базы за припасами, а после ее расформирования мародеры стали шастать здесь едва ли не каждый день.

— Ты донельзя беспечен! Как можно было докладывать об этом только сейчас? Разве ты не понимаешь, какое значение этот университет имеет для нашего Города Синьнань? — скрываясь за густым кустарником, сквозь листву наблюдал А Чан, как высокий дородный мужчина отчитывал подчиненного.

— Я и сам услышал об этом только вчера: кто-то взломал двери в студенческом общежитии, да и учебного оборудования изрядно утащили, — оправдывался другой.

— Услышал? Тебе еще нужно об этом слышать?! Разве этот район не под твоим началом? Подобные вещи и без всяких слухов ясны любому дураку, стоило ли дожидаться донесений?! — взъярился тот в бешенстве.

— Сами же знаете, сколько людей у меня в подчинении. Если стянуть их в одно место, еще кое-как удастся поддерживать порядок в центре, а если рассредоточить — какая от них польза? Каждый новый рот требует еды, сами знаете наше положение. Если верхи не выдадут продовольствие, что нам самим делать? — Горестное положение отчитываемого было очевидно. Работать трудно, но деваться некуда: брось он службу, и чем тогда кормить семью?

— М-да... — высокий скрипуче сжал зубы и проговорил: — Я замолвлю за тебя словечко. Наверное, удастся выбить еще пять штатных единиц, перебрось к себе еще пятерых из другого участка и смотри мне, охраняй университет как положено. Если подобное повторится, отправлю всех по домам кукиш с маслом сосать.

— Будьте спокойны, больше такого не повторится! — наперебой заверял тот.

— Слышал ведь? Если не случится форс-мажора, в июне возобновят государственные экзамены. Сейчас во всех крупных городах страны острый дефицит кадров, а у нас в Городе Синьнань толком ничего и нет — разве что этот Синьнаньский университет хоть как-то держит марку...

Убедившись, что парочка удалилась, А Чан бросился к своим козам. Раз это место решили взять под охрану, оставлять здесь животных небезопасно — требовалось срочно менять дислокацию.

Эти козы хоть и звались горными, на деле отродясь не видели гор. А Чан погнал их к жилью Цю Чэна, заставив с трудом преодолевать высоту четырнадцатого этажа. Разместив стадо в пустой квартире напротив, он взмыл на технический этаж, перемахнул оттуда на балкон пятнадцатого, спустился на балкон к Цю Чэну, отворил незапертую дверь, проскользнул на кухню и в поисках тары распахнул шкафчики.

Отыскав несколько плетеных сумок, он наполнил их доверху овечьим пометом из университета и принялся поодиночке таскать мешки к двери квартиры Цю Чэна. Опыт совместной жизни с бродячим котом научил его главному: хочешь оставаться в тени — заматай следы любой своей активности, даже отходы жизнедеятельности не должны привлекать внимания. Раз уж он решил прятать коз, следовало припрятать и их помет. Впрочем, раз Цю Чэн собирался пустить добро в дело, парень решил сразу все перетащить к нему.

На перетаскивании навоза заботы не закончились. Мудрый зверь хитер на выдумку, и таинственный кот из его воспоминаний поступал точно так же: у него имелось несколько запасных укрытий, между которыми он постоянно циркулировал. Если какому-то из убежищ угрожала опасность, животное без колебаний бросало его ради нового безопасного угла.

А Чан относился к этому вопросу с еще большей одержимостью. В Синьнаньском университете у него было обустроено несколько лежбищ, и каждое хранило массу полезного хлама. По сравнению с ними пустая квартира напротив Цю Чэна служила лишь временным пунктом для кратких передышек во время обходов и до полноценного убежища явно не дотягивала.

Теперь же, когда университет переходил под охрану, все точки в его пределах надлежало ликвидировать, а накопленные сокровища — немедленно вывезти.

Перебирая добро и глядя на плоды своих многолетних трудов, А Чан решил сделать подарок своему суженому.

Да, в его разумении Цю Чэн был именно его парой. У того старого кота тоже имелся партнер: бродяжничая, он как-то раз наткнулся на сородича и привел в логово. Они жили вместе какое-то время, и порой кот великодушно подносил подруге крупную жирную крысу. Сами они обожали подобное угощение, но А Чан сомневался, что Цю Чэн оценит такое лакомство.

Что же подарить? Перебирая вещи в одном из домиков на окраине Синьнаньского университета, А Чан поднял стеклянный шарик, поднес к залитому солнцем окну, вздохнул, пожалел расставаться и положил на место. Потом взял остро заточенный фруктовый нож — и снова передумал. Нет, этот инструмент был слишком ценен для него самого, лучше поискать что-то другое...

Выбирая так и эдак, он провозился до самого заката, но подходящей вещицы так и не отыскал.

К тому моменту желудок уже громко урчал от голода, и А Чан решил сначала поймать рыбу в реке, а на сытый желудок поразмыслить над подарком.

В отличие от того кота, А Чан превосходно держался на воде. Стоило раздобыть хоть какую-то снасть, и он без труда добывал рыбу.

Орудие для ловли тоже составляло предмет его гордости. Порывшись в закромах, А Чан выудил рваную сеть, найденную много лет назад в какой-то прибрежной деревушке. Все это время она здорово его выручала: пусть полотно успело прохудиться в нескольких местах, на качестве улова это почти не сказывалось.

От их участка берега, если следовать вдоль течения реки Синьнань на восток, находилась низкая плотина. А Чан вошел в воду неподалеку от нее и принялся неводничать. Без добычи он не оставался никогда — на сей раз ему посчастливилось вытащить крупного амура фунтов на пять-шесть.

Тут же на берегу он счистил с рыбы чешую, выпотрошил внутренности и ополоснул тушку в реке. По его прежним привычкам следовало бы прямо здесь срезать мясо и съесть сырым, но на этот раз А Чан вспомнил вчерашний суп из креветок. Изменив планы, он решил притащить рыбину Цю Чэну, чтобы тот приготовил ее как надо.

Судя по вчерашнему опыту, в процессе готовки требовались кое-какие добавки, однако на кухне у Цю Чэна остались лишь пустые банки. У самого же А Чана добра этого скопилось навалом: коричневый и белый сахар он очень любил, соус и уксус прекрасно подходили для макания рыбы, соль годилась вообще ко всему, а вот пара приправ со странным душком ему не приглянулась, хотя выбрасывать их он не стал.

Вернувшись вечером домой, Цю Чэн обомлел от радости, обнаружив, что А Чан притащил огромного белого амура в компании целого арсенала приправ.

Разумеется, ему и в голову не приходило, что этот прижимистый парень приберег в тайниках еще немало добра.

За ужином из горячей, ароматной рыбы Цю Чэн думал о том, как невероятно ему повезло. Стоило приютить странного типа, как тот оказался мастером на все руки по части рыбалки — судя по всему, голодная смерть им больше не грозила, и отныне они будут сыты каждый день.

Жаль только, что столь сытая жизнь продлилась недолго. Несколько дней спустя, ранним утром отправившись по обыкновению за водой к реке Синьнань, Цю Чэн застал у самой нижней дамбы с десятков полицейских мотоциклов. Озадаченный, он уже хотел приблизиться, чтобы разузнать в чем дело, как парочка стражей порядка сами направились ему навстречу.

— Ты живешь где-то здесь? — поинтересовался сорокалетний сотрудник.

— В Жилом комплексе Цзяюань, — ответил Цю Чэн и тут же задал встречный вопрос: — Что здесь стряслось?

— Прошлой ночью банда браконьеров глушила рыбу током. Не слышал шума?

— Откуда бы. От Жилого комплекса Цзяюань досюда пешком минут двадцать идти, — покачал головой Цю Чэн.

— А не доходили ли до тебя какие-нибудь слухи в последнее время? Может, соседи или еще кто обмолвился, что собирается промышлять электроловом на реке?

— Ничего подобного. В нашем доме живет-то всего пара семей, я пропадаю на работах в городе, ухожу затемно, возвращаюсь поздно, так что почти ни с кем не общаюсь.

— Что ж, ладно. Если вдруг появятся хоть какие-то зацепки, позвони мне, — сказал мужчина и протянул визитную карточку.

Взяв карточку, Цю Чэн почувствовал смутную тревогу и не удержался от вопроса:

— А разве незаконный лов рыбы — настолько серьезное преступление?

Прежде в Городе Синьнань тоже случалось браконьерство, но на него смотрели сквозь пальцы: поймают — хорошо, нет — так нет. Максимум поругают в местных новостях, призовут к совести, на том дело и затихало. Сейчас же полицейские выглядели так, будто намеревались биться с нарушителями насмерть.

— Ты многого не знаешь, — помрачнел второй, более молодой сотрудник. — Масштаб не тот, это тебе не баловство. От водозабора и ниже по течению до самой плотины всю рыбу и креветок выбили под корень. При таких масштабах очевидно наличие организации, а подобные группировки — прямая угроза стабильности нашего Города Синьнань.

— К тому же они нанесли колоссальный урон экологии русла. Если не вмешиваться искусственно и уповать лишь на естественное восстановление, в этих водах еще года три-пять рыбу удочкой не поймает, — поддержал старший коллега.

— А вы не пробовали заглянуть в деревню Шуйшуй? — вспомнил Цю Чэн название селения, где недавно менял зерно.

— Деревня Шуйшуй? — оба стража порядка уставились на него.

— Ой, да я еще со студенческих времен помню, преподаватели в Синьнаньском университете рассказывали, будто в старину там промышляли речным разбоем.

Цю Чэн не боялся навлечь неприятности на жителей деревни. Во время обмена семенами он добрый час просидел с ними у костра. В небольшой общине все на виду, односельчане знали друг о друге абсолютно всё, и Цю Чэн ни за что не поверил бы, что никто из них не догадывался о делишках отца с сыновьями. Однако тогда никто не предупредил его даже намеком.

— Заглянем туда на днях, — бросил старший.

— Ваш район далековато от центра, да и силы правопорядка там слабые. Будь осторожнее, когда куда-то выбираешься, — хлопнул его по плечу молодой полицейский.

Кивнув в знак согласия, Цю Чэн подхватил коромысло и зашагал обратно. Коромысло он смастерил своими руками всего пару дней назад: расщепил вдоль толстый бамбуковый стебель, взял одну половинку, заострил концы наподобие стрел, закрепив веревки у сужений, чтобы ведра не соскальзывали.

Вернувшись домой, он обнаружил, что А Чан еще не встал. Уходя утром, он застал того же свернувшегося клубом на постели и сперва подумал, что ленивец просто решил поваляться, но реальность оказалась иной.

— В реке совсем не осталось рыбы? — присев на край кровати, Цю Чэн тронул спутника за спину.

— М-м... — А Чан повернулся к нему с таким жалобным выражением лица, что у того сердце сжалось. Всю прошедшую ночь тот просидел в речных зарослях, воочию наблюдая, как негодяи выжигают током всю крупную и мелкую рыбешку, не оставив ему даже креветки.

— На балконе вот-вот созреет кукуруза, через пару дней сварю тебе молочных початков, — растопил его уныние мягкий голос Цю Чэна. Стоило взглянуть на эту физиономию, как всё становилось ясно: парень тосковал по упущенной сытной жизни не меньше него самого.

А Чан подумал, что иметь спутника жизни — это все-таки замечательно. Под ласковые речи даже известие об опустевшей реке воспринималось уже не столь трагично. Приподнявшись на коленях, он вытянул шею, потерся щекой о щеку Цю Чэна, легко лизнул его в шею и чуть прикусил зубами в точности так, как поступал некогда тот бродячий кот со своей подругой.

— Вставай давай, — смущенно отстранился Цю Чэн, не привыкший к столь откровенным проявлениям нежности. Он похлопал А Чана по плечу и поднялся на ноги.

— У-у... — А Чан с явным сожалением облизал ладонь. Теперь он наконец-то начал понимать, почему тот кот так усердно вылизывал свою половинку — они вечно были вместе, прижимаясь телами и переплетая лапы...

— Иди вымой руки! — бросил Цю Чэн. Сам он тоже не блистал стерильностью, но облизывать собственные лапы слюной казалось ему верхом негигиены.

— Эть! — в один прыжок соскочив с кровати, А Чан стремглав метнулся в умывальник.

Благодаря удобрению из полезных бактерий Цю Чэн успешно завершил ферментацию овечьего помета. Этим утром он наконец приступил к подкормке балконных растений: аккуратно обкопал каждый кустик неглубокой кольцевой канавкой, засыпал туда немного удобрений и присыпал землей.

Закончив с подкормкой, он обильно полил все грядки. За прошедшие дни Цю Чэн сколотил на балконе небольшой стеллаж для разнокалиберных бутылок, наполненных одинаковой желтоватой жидкостью. Да, речь шла именно о ней — о моче.

Они с А Чаном исправно наполняли бутылки, которые выставлялись на стеллаж под лучи солнца, а для полива ежедневно брали самую старую порцию, разбавляя ее водой. При таком подходе резкий аммиачный дух практически исчезал — если же вносить чистую мочу сразу под корень, аромат стоял куда более мощный.

Благодаря питательной влаге и насыщенной духовной энергии посадки колосились на славу. Кукуруза уже собиралась выпустить метелки; клубни картофеля развивались под землей, оставаясь невидимыми; томаты и перец опережали остальных — на некоторых ветках вовсю алели цветы, а где-то уже зеленели крохотные завязи.

Уходя на работу, Цю Чэн вновь велел А Чану быть осторожнее: со дня на день их электротехническая бригада должна была добраться до здешних кварталов для восстановления сетей, а следом за ними подтянутся и остальные службы.

Работа располагалась близко — стоило выйти через главные ворота жилого комплекса на широкий проспект, и минут через десять ходьбы в сторону центра начинался их участок.

Слухи о безумном браконьерстве на реке Синьнань разлетелись молниеносно, их вовсю обсуждали и в бригаде, однако в отличие от обычного оживления при любых ЧП, на сей раз лица у всех были мрачными.

Послекатастрофное восстановление и так продвигалось с огромным трудом, а появление подобных вредителей отбрасывало их назад — когда теперь удастся наладить нормальную жизнь? Ситуация напоминала дорожный затор: пока каждый соблюдает очередь, проблемы решаются, но стоило вклиниться паре наглых нарушителей, как движение парализовало окончательно.